

1966-2026
60
JAHRE

DAZ
ОБЩАЯ НЕМЕЦКАЯ ГАЗЕТА

Deutsche
Allgemeine
Zeitung

 Bundesministerium
des Innern

12+

WWW.DAZ.ASIA

27. AUGUST BIS 2. SEPTEMBER 2026

60. JAHRGANG / NR. 32 / 9316

Am 28. August jährt sich die Deportation der Russlanddeutschen zum 85. Mal. An diesem Tag im Jahr 1941 veröffentlichte das Präsidium des Obersten Sowjets der UdSSR den Erlass, mit dem die deutsche Bevölkerung an der Wolga und in anderen Regionen kollektiv entrechtet und aus ihrer Heimat vertrieben wurde. Innerhalb weniger Wochen wurden Hunderttausende Menschen in Viehwaggons nach Sibirien, Kasachstan und in andere entlegene Gebiete deportiert. Familien wurden auseinandergerissen, Eigentum ging verloren, und zahlreiche Menschen überlebten die Strapazen der Deportation, der Zwangsarbeit und eines Lebens in abgesonderten Lagern und Siedlungen nicht. Auch 85 Jahre später bleibt der 28. August ein Tag des Gedenkens, der Trauer und der Mahnung. Er erinnert an den Verlust von Heimat, Sicherheit und Angehörigen sowie an das Leid, das die Deportierten und ihre Nachkommen über Generationen hinweg geprägt hat. Zugleich ist er ein Anlass, die Geschichten der Betroffenen zu bewahren und ihre Erfahrungen an die jüngeren Generationen weiterzugeben. Diese Sonderausgabe widmen wir anlässlich des 85. Jahrestages der Deportation dem Schicksal der Russlanddeutschen und beleuchten in begleitenden Texten verschiedene Facetten dieser Geschichte. In persönlichen Erinnerungen und Schilderungen beleuchten wir die Ereignisse von 1941, ihre Folgen für die Betroffenen und die Spuren, welche diese traumatische Erfahrung bis heute hinterlassen hat.

Interview mit Peter Aifeld

Peter Aifeld erforscht seit fast zwei Jahrzehnten seine russlanddeutsche Familiengeschichte. Zum 85. Jahrestag der Deportation erzählt er, wie persönliche Erinnerungen, Archive und DNA-Forschung verlorene Familiengeschichten wieder sichtbar machen.

>> 3

Die Exponate des Virtuellen Museums

Das Virtuelle Museum der Deutschen Kasachstans Wiedergeburt. asia bewahrt materielle Zeugnisse der Deportationszeit. Sie erzählen die Geschichten von betroffenen Menschen auf eine ganz besondere Weise.

>> 6

Mehr als nur Deportation

Für die Russlanddeutsche Juliane Lipp ist die Geschichte der Deportation tief mit ihrer Familiengeschichte verbunden. Mit ihrem Magazin „Jolki-Palki!“ setzt sie sich mit Erinnerung, Identität und jenen Spuren auseinander, die bis heute nachwirken.

>> 7

Von der Deportation bis zur Wiedervereinigung

Schon seit ihrer Kindheit wusste unsere Autorin, dass sie eine Deutsche ist und dass ihr Urgroßvater deportiert wurde. Nun beschloss sie, die Erinnerungen ihrer Verwandten zu sammeln, den Lebensweg ihres Urgroßvaters nachzuverfolgen und mehr über die Geschichte ihrer Familie zu erfahren.

>> 9

Юлия Подопригора: «Память, документы, судьбы: 85 лет спустя»

История депортированных немцев – это не только история трагедии, потерь и лишений. Это история людей, которые, несмотря на тяжелейшие испытания, смогли выстоять, трудиться, создавать и оставить заметный след в развитии Казахстана. Многие из них были насильственно выселены сюда, но со временем стали частью этой земли, её экономики, науки, культуры и общественной жизни. Их судьбы – пример человеческой стойкости, достоинства и способности созидать вопреки обстоятельствам. О том, почему эту сторону истории особенно важно сохранить в памяти будущих поколений, мы поговорили с кандидатом исторических наук Юлией Подопригорой.

— Юлия Ивановна, в этом году исполняется 85 лет со дня депортации немцев в Казахстан. Как, на Ваш взгляд, за эти десятилетия изменилось научное и общественное восприятие тех событий?

— Интересный вопрос. Действительно, за последние десятилетия многое уже открыто и опубликовано, в научный оборот введены документы и архивные материалы, проведены многочисленные исследования. Однако остаются значительные лакуны, прежде всего связанные с персональными списками депортированных и документами о насильственном переселении семей в Казахстан. Эти аспекты ещё предстоит детально изучить. Мы хорошо знаем общую хронологию событий: даты прибытия эшелонов в Казахстан, процессы мобилизации в трудармию, призыв в которую осуществлялся через военкоматы уже после приезда. Сегодня исследователи называют это вторичной депортацией.

Изучена и система спецпоселения: постановка на учёт, оформление дел, структура личных документов спецпоселенцев. Но именно персональные списки остаются огромным и очень важным пластом работы. Они необходимы не только для исторических исследований, но и для семейной истории. Сегодня интерес к прошлому всё чаще выходит за рамки академической науки: люди ищут сведения о своих предках, пытаются восстановить судьбы родственников, переживших депортацию и спецпоселение. Поэтому сейчас особое внимание уделяется документам, связанным с судьбой конкретного человека и семьи. Их необходимо оцифровывать, систематизировать и объединять в базы данных.

Например, в рамках проекта «Интерактивный архив немцев Казахстана» мы уже создали на сайте базу данных со списками насильственно выселённых в Казахскую ССР немцев. Но это только начало. Необходимо собрать и систематизировать списки трудармейцев, репатриированных немцев и др. Таким образом, несмотря на 85 лет, прошедших со времени депортации, работа по изучению и восстановлению персональной истории людей продолжается.

— Как Вы отметили, сегодня открывается все больше архивов, появляются новые документы и свидетельства, Вы также принимали участие в работе Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Какие открытия последних лет, на Ваш взгляд, наиболее существенно дополнили наше понимание истории депортации?

— Лично для меня работа в Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий стала огромным опытом, прежде всего работы с документами, которые позволяют увидеть не только общую картину событий, но и судьбу конкретного человека. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан

сохранились документы, позволяющие буквально по неделям проследить ход переселения немцев осенью 1941-го – зимой 1942 года.

Отдел спецпереселения при СНК КазССР фиксировал прибытие эшелонов, их количество и число переселённых. Эти материалы дают представление о масштабах происшедшего. Многие из таких документов стали доступны исследователям благодаря работе Государственной комиссии. Но особенно важными для меня стали личные дела спецпоселенцев. Через историю одной семьи можно увидеть трагедию целого народа. В этих документах сохранились автобиографии, заявления, обращения людей в органы власти. Кто-то просил снять его с учёта спецпоселения, кто-то пытался доказать свою лояльность советской власти, а некоторые даже отказывались от немецкой национальности: «Я не немец, я русский...». И это трагедия...

По личным делам можно проследить и то, как люди пытались воссоединиться с семьями. Например, одна часть семьи могла находиться в Карагандинской области, другая – в Алма-Атинской, и люди обращались в комендатуры с просьбой разрешить им жить вместе. Эти документы показывают не абстрактную историю депортации, а судьбы конкретных людей, у которых были разрушены привычная жизнь, карьера и семейные связи.

Поэтому я призываю тех, кто знает, что их родственники находились на спецпоселении в Казахстане, обращаться в Архив Президента Республики Казахстан и запрашивать копии личных дел. Это уникальный источник для восстановления семейной истории, особенно периода 1941-1956 годов.

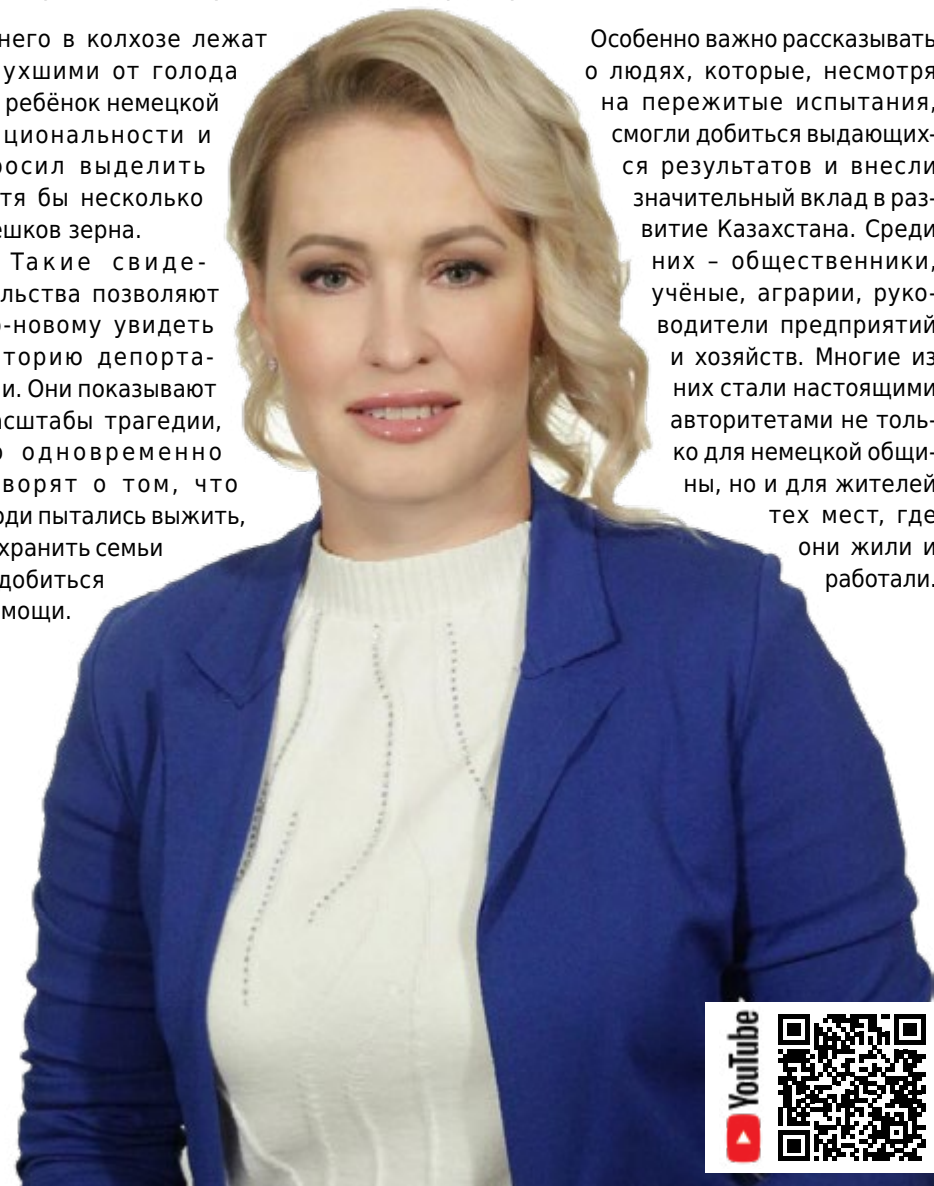
Другой важный пласт документов связан с осенью 1941 г. и началом 1942 г. – периодом, когда переселённые семьи оказались в крайне тяжёлых условиях. Люди оставляли на прежнем месте дома, хозяйства, урожай, скот. Перед выселением они составляли опись имущества, рассчитывая, что на новом месте им будет компенсировано утраченное. Однако в Казахстане эти обещания не были выполнены.

В архивах сохранились обращения переселённых немцев в Прокуратуру Казахской ССР и Совет Народных Комиссаров Казахской ССР. Писали о голоде, отсутствии помощи, невозможности обеспечить семьи и о том, что не переживут зиму, если ситуация не изменится. Для меня эти документы важны ещё и потому, что показывают: люди не просто терпели происходящее, а пытались защищать свои права и обращались к вышестоящим органам.

Особенно сильное впечатление производят документы о детях. Благодаря работе Государственной комиссии и архивному проекту общества «Возрождение» был обнаружен документ 1943 года, в котором председатель колхоза одного из северных регионов сообщал областному исполкому о том, что

у него в колхозе лежат опухшими от голода 51 ребёнок немецкой национальности и просил выделить хотя бы несколько мешков зерна.

Такие свидетельства позволяют по-новому увидеть историю депортации. Они показывают масштабы трагедии, но одновременно говорят о том, что люди пытались выжить, сохранить семьи и добиться помощи.

Спустя 85 лет мы только начинаем в полной мере восстанавливать эти страницы истории.

Именно поэтому архивная работа сегодня так важна. Она позволяет перейти от общей статистики к судьбам конкретных людей и семей – узнать, откуда они были депортированы, где оказались в Казахстане, как жили, что с ними произошло. Эти сведения необходимо сохранять, оцифровывать и делать доступными следующим поколениям.

— Если говорить не только о трагедии, но и о ее последствиях, почему сегодня также важно рассказывать и о вкладе депортированных немцев в развитие Казахстана?

— Этот период прежде всего останется в истории как трагический. Но для казахстанских немцев именно годы спецпоселения и последующий советский период – вплоть до 1991 года – стали важной частью формирования их современной идентичности. Именно в эти десятилетия сформировался образ казахстанских немцев как трудолюбивых, ответственных, организованных и сплочённых людей. На этом фундаменте во многом строится современная культурная и общественная деятельность немецкой общины Казахстана. Поэтому отрицать или замалчивать период спецпоселения и последующие десятилетия нельзя. Их необходимо помнить и осмысливать.

Особенно важно рассказывать о людях, которые, несмотря на пережитые испытания, смогли добиться выдающихся результатов и внесли значительный вклад в развитие Казахстана. Среди них – общественники, учёные, аграрии, руководители предприятий и хозяйств. Многие из них стали настоящими авторитетами не только для немецкой общины, но и для жителей тех мест, где они жили и работали.

Показателен пример Андрея Андреевича Риммера. Столетие со дня его рождения отмечали в селе Еркиншилик Акмолинской области. Инициаторами мероприятия стали местные жители, которые до сих пор помнят его как руководителя, человека и хозяина, внёсшего большой вклад в развитие села. Его имя стало своеобразным символом Еркиншилика.

Подобные примеры есть и в других регионах. В Атырау помнят Гафнера, в Павлодарской области – Геринга. Таких имен можно назвать десятки. Важно, что многие из них сами прошли через депортацию: кто-то оказался в Казахстане ещё ребёнком, кто-то подростком. Они пережили тяжелейшие годы, но сумели сохранить достоинство, реализовать себя и принести пользу стране, которая стала для них родиной.

Мне кажется, именно об этой стороне событий сегодня особенно важно говорить молодому поколению. История казахстанских немцев не только о трагедиях и потерях. Это также история человеческой стойкости, труда и способности, несмотря на обстоятельства, созидать и оставлять после себя значимый след. Эти люди действительно стали сынами Казахстана, и их вклад – часть общей судьбы нашей страны.

— Большое спасибо за содержательную беседу.

Интервью: Олеся Клименко.

Peter Aifeld: „Ahnenforschung und Geschichte beginnen immer bei einem selbst“

Peter Aifeld beschäftigt sich seit fast zwei Jahrzehnten mit der Geschichte der Russlanddeutschen und damit auch mit der eigenen Familiengeschichte. Zum 85. Jahrestag der Deportation erzählt er, wie ein falsch geschriebener Nachname ihn zur Ahnenforschung brachte, welche Spuren die Deportation in seiner Familie hinterlassen hat und warum die moderne Genealogie heute neue Möglichkeiten eröffnet, verschollen geglaubte Familiengeschichten zu rekonstruieren.

■ Peter, du beschäftigst dich seit vielen Jahren mit der Ahnenforschung und der Geschichte der Russlanddeutschen. Wie hat deine eigene Familiengeschichte dein Interesse an diesem Thema geweckt?

Ich bin in Kasachstan geboren und mit fünf Jahren nach Deutschland gekommen. Meine Großmutter, eine Wolgadeutsche, hat bis zu ihrem 94. Lebensjahr gelebt und mir viel über die Deportation erzählt. Sie wurde 1926 geboren, feierte am 25. August 1941 ihren 15. Geburtstag, drei Tage später kam der Deportationserlass, und am 3. September wurde ihre Familie deportiert. Eigentlich hätte sie gerade in die achte Klasse kommen und ihren Abschluss der Mittelschule machen sollen.

Ein Auslöser für meine Ahnenforschung war mein eigener Nachname. Als Kind musste ich in Deutschland immer erklären, dass Aifeld mit „Ai“ geschrieben wird. Mit 16 wollte ich die Schreibweise ändern. Beim Standesamt forderte man mich auf, zu beweisen, dass der Name früher einmal auf Deutsch mit „Ei“ geschrieben wurde. Das war für mich der Anstoß, die Geschichte meiner Familie zu erforschen.

Dabei fand ich heraus, dass der Familienname ursprünglich Eichwald gewesen sein muss. Inzwischen kann ich meine Familie bis etwa 1800 im Russischen Reich zurückverfolgen, über eine genetische Verbindung sogar bis zur Zeit um 1600 und diese Spur führte nach Westpreußen.

Am Ende habe ich mich gegen eine Änderung meines Nachnamens entschieden. Mein Großvater hat sein Leben mit diesem Namen gelebt und damit Deportation und Arbeitslager überstanden. Und gerade dieser Name hat mich zur Familienforschung gebracht. Ohne ihn wäre ich wahrscheinlich nie Ahnenforscher und vielleicht auch nie Historiker geworden.

Was hast du bei der Erforschung deiner eigenen Familie über die Deportation von 1941 erfahren - und hat das deinen persönlichen Blick auf dieses historische Ereignis verändert?

Meine Urgroßmutter Elisabeth Eichwald, geborene Rosenberg, wurde 1888 bei Mariupol geboren. Sie verlor ihren Mann Philipp Eichwald bereits im Ersten Weltkrieg und wurde 1941 nach Kasachstan deportiert. Von ihren neun Kindern hat nur ein einziger Sohn überlebt - mein Großvater Peter.

Er selbst wurde im September 1941 in das Arbeitslager SolikamLag verschleppt, arbeitete dort als Holzfäller und zimmerte Särge für verstorbene Trudarmisten, um ihnen wenigstens eine menschenwürdige Bestattung zu ermöglichen.

Besonders nahegegangen ist mir das Schicksal seines Bruders Alexander Eichwald, genannt auch Aifeld: Der einfache Bergwerksarbeiter wurde 1937, im Zuge der „Deutschen Operation“ des NKWD, festgenommen, in einem Schauprozess als angeblicher deutscher Spion zum Tode verurteilt und unverzüglich erschossen.

Ja, das hat meinen Blick tatsächlich verändert: die Deportation von 1941 war für meine Familie nicht der Anfang der Verfolgung, sondern eher ein weiterer Höhepunkt einer langen Geschichte der Strapazen,

Foto: Privat

die bereits viele Jahre früher begonnen hatten.

Welche Spuren der Deportation finden sich heute noch in den Familiengeschichten der Russlanddeutschen - und wie können Ahnenforschung und DNA-Genealogie dabei helfen, solche Spuren wieder sichtbar zu machen?

Viele Spuren sieht man zunächst gar nicht. Durch die Deportation kamen Familien aus unterschiedlichen Regionen zusammen, wodurch sich etwa sprachliche Spuren erhalten haben. An den deutschen Dialekten lässt sich teilweise erkennen, woher eine Familie ursprünglich stammt. Bei den Wolgadeutschen hört man oft hessische oder südhessische Elemente, bei anderen Familien finden sich plattdeutsche Begriffe.

Ich selbst habe das im Odenwald erlebt: Einige Wörter, die ich von meiner Großmutter kannte, werden dort heute noch genauso verwendet. Das war für mich sehr eindrücklich.

Weitere Spuren finden sich in Dokumenten, Kirchenbüchern, Familienarchiven und natürlich in der DNA. In unserer Forschungsgruppe zu den Planer-Kolonien bei Mariupol sind inzwischen rund 1.500 Menschen aktiv. Wir haben mehr als 81.000 historische Kirchenbucheinträge aus 16 katholischen Kirchspielen erworben und transkribiert.

Unser Ziel ist, diese Informationen möglichst vielen Menschen kostenlos zugänglich zu machen. So können sie schnell viel über ihre eigene Familie erfahren und mit ihnen bisher unbekannten Verwandten in Kontakt kommen. Ahnenforschung wird damit auch zur Bildungsarbeit und verbindet Menschen.

Du hast mit „Erinnerungsnäht“ ein Projekt wissenschaftlich geleitet, das Familien dazu gebracht hat, sich mit der Geschichte ihrer Vorfahren auseinanderzusetzen. Wie wichtig ist dieser Austausch zwischen den Generationen, gerade weil es immer weniger Zeitzeugen gibt?

Die Generation, die die Deportation selbst erlebt hat, war davon teilweise so stark betroffen, dass viele Menschen nur sehr wenig darüber erzählt haben.

In manchen Familien war die Deportation immer ein Thema, in anderen wurde darüber geschwiegen. Deshalb ist es wichtig, dass diese Geschichte aufgearbeitet und an die Nachkommen weitergegeben wird. Die Deportation so vieler Menschen aus dem europäischen Teil der Sowjetunion in den asiatischen Teil war kein kleines Ereignis, sondern ein einschneidendes Kapitel buchstäblich jeder Familiengeschichte.

Bei „Erinnerungsnäht“ wollten wir genau diese Verbindung zwischen den Generationen herstellen. Die Familien sollten sich zusammensetzen, die Geschichte eines Vorfahren aufschreiben und gemeinsam ein Foto machen. Eine Familie, die daran teilgenommen hat, hat beispielsweise die Geschichte ihres Urgroßvaters aufgeschrieben. Für das Foto versammelten sich die Großmutter, ihre Tochter, ihre Söhne und Enkelinnen. Kurz darauf ist die Großmutter gestorben. Heute sagt die Familie, dass sie ohne dieses Projekt wahrscheinlich nicht dieses letzte gemeinsame Bild gehabt hätte - und nicht diesen Moment, in dem sich alle noch einmal bewusst mit ihrer Familiengeschichte auseinandergesetzt haben.

Ich glaube, dass solche Momente sehr wichtig sind. Sie verbinden die Generationen und machen die Geschichte persönlich, fühlbar und nahbar.

Du beobachtest auch ein wachsendes Interesse junger Menschen an der eigenen Familiengeschichte. Was macht die Geschichte der Russlanddeutschen für die jüngere Generation interessant - und welche Rolle spielen dabei soziale Medien und digitale Möglichkeiten der Ahnenforschung?

Als ich mit 16 Jahren angefangen habe, war ich lange einer der Jüngsten, die sich mit diesem Thema beschäftigten. Bei unserer Tagung zu den Planer-Kolonien im Juli dieses Jahres haben wir aber gemerkt, dass gerade bei jüngeren Menschen großes Interesse besteht. Viele werden zum Bindeglied zwischen Eltern und Großeltern, stoßen über soziale Medien auf Informationen und beginnen, auch bisher in ihren Familien vermiedene Fragen zu stellen.

Ich glaube, viele sind heute auf der Suche nach ihrer eigenen Identität und stellen fest, dass das Bild ihrer Herkunft vielleicht nicht vollständig ist. Gerade in den Familien

der Russlanddeutschen wurde vieles nicht erzählt. Wenn sie dann erfahren, dass die Deportation ein Teil ihrer Familiengeschichte ist, kann das sehr emotional sein.

Auch DNA-Tests eröffnen einen neuen Zugang zur Familiengeschichte. Viele finden dadurch Verwandte, von denen sie bisher nichts wussten. Deshalb versuche ich, über soziale Medien mehr Informationen zugänglich zu machen. So können auch Menschen, die nicht zu Veranstaltungen nach Deutschland reisen können, forschen und sich mit anderen austauschen.

Der 85. Jahrestag rückt die Deportation der Russlanddeutschen in diesem Jahr wieder stärker ins öffentliche Bewusstsein. Was bedeutet dieser Jahrestag für dich persönlich, und was möchtest du den Nachkommen der Deportierten mitgeben?

Für mich hat der 85. Jahrestag eine ganz besondere Bedeutung, weil meine Großmutter am 25. August 100 Jahre alt geworden wäre. Wir gedenken also gleichzeitig ihrer und der Deportation, von der sie unmittelbar betroffen war.

Ich finde es wichtig, dass die Geschichte der Deportation der Deutschen in der Sowjetunion in der deutschen Gesellschaft einen festen Platz bekommt - auch im Schulunterricht und im gesellschaftlichen Bewusstsein. Noch immer wissen viele Menschen zu wenig darüber. Und selbst unter den Nachkommen der Deportierten gibt es viele, die gar nicht wissen, dass ihre Familien betroffen waren. Durch Repressionen und das Schweigen wurde diese Geschichte teilweise über Generationen nicht weitergegeben.

Das Gedenken verbindet Menschen weltweit. Die Deportation betraf diejenigen, die 1941 noch in der Sowjetunion lebten. Andere Familien waren bereits nach Kanada, in die USA oder nach Südamerika ausgewandert. Auch ihre Nachkommen sind heute Teil dieser Erinnerung.

Im vergangenen Jahr habe ich das selbst noch einmal sehr intensiv erlebt. Meine Mutter und ich sind nach Kasachstan gereist und waren auch in Ajagus. Dort wurden meine Familienangehörigen 1941 aus den Deportationszügen ausgeladen, bevor sie auf verschiedene Siedlungen verteilt wurden. Für mich war es sehr bewegend, an diesem Bahnhof zu stehen und mir bewusst zu machen: Hier ist meine Familie damals angekommen.

Wir waren auch in dem Dorf, in dem meine Mutter geboren wurde. Es existiert heute nicht mehr, aber ein großes Denkmal erinnert an die Familien, die dort einst lebten. Auch meine Familie ist dort als deutsche Familie verzeichnet.

Da wurde mir noch einmal bewusst: Ahnenforschung und Geschichte beginnen immer bei einem selbst. Allein mein Geburtsort kann schon Fragen aufwerfen. Wenn jemand deutscher Abstammung ist und in einem kasachischen Dorf geboren wurde, sollte er sich doch fragen: Warum ist das so? Was ist die Geschichte dahinter? Und genau dort beginnt für mich die Spurensuche.

Vielen Dank für das Gespräch. ■
Das Interview führte Annabel Rosin.

Церковь и память: история дружбы ЕЛЦРК и самоорганизации немцев

Есть встречи, которые происходят по необходимости. А есть встречи, которые происходят потому, что время само приводит людей друг к другу. Об этом – епископ и предстоятель Евангелическо-Лютеранской Церкви в Казахстане Ростислав Новгородов.

■ Так началась история сотрудничества между Евангелическо-Лютеранской Церковью Казахстана и немецким культурным центром.

Для Казахстана история немцев – это не только история одного народа. Это часть общей истории нашей страны. Люди, оказавшиеся здесь в силу тяжёлых исторических обстоятельств, принесли с собой язык, веру, культуру, трудовую этику, семейную память. Они строили дома, создавали семьи, сохраняли традиции и, несмотря на испытания, не позволили своей памяти исчезнуть.

Лютеранская Церковь оказалась рядом с этой историей не вчера. Для многих поколений казахстанских немцев церковь была не только местом богослужения. Она была пространством, где можно было услышать родной язык, вспомнить своих предков, почувствовать связь с тем, что казалось потерянным.

Именно поэтому сотрудничество ЕЛЦРК и общества немцев оказалось естественным. Мы исходили из простого понимания: культуру нельзя сохранить без памяти, а память не может существовать без человека.

Церковь хранит память о человеке перед Богом. Культурный центр хранит память народа, его язык, песни, обычаи и историю. Это разные служения, но у них есть одна точка встречи – человеческое достоинство и ответственность перед будущими поколениями.

Фото: DAZ

Наше сотрудничество постепенно стало переходить от отдельных встреч и мероприятий к настоящей дружбе. Совместные культурные программы, встречи, участие в жизни немецкой общины, сохранение исторической памяти – всё это создавало пространство доверия.

И, пожалуй, именно слово «дружба» здесь является самым точным. Потому что настоящее сотрудничество начинается тогда, когда мы перестаём смотреть друг на друга как на организации и начинаем видеть людей.

Сегодня перед нами стоит уже другой вопрос: не только как сохранить то, что было, но и что мы можем передать тем, кто придёт после нас.

Время меняется. Уходит поколение людей, которые ещё непосредственно помнили переселение, тяжёлые послевоенные годы, жизнь в советском Казахстане. Молодёжь уже имеет другое отношение к немецкому языку, культуре и церковной традиции. Поэтому сохранение памяти становится не только исторической, но и духовной задачей. Я думаю, что именно здесь у ЕЛЦРК и

самоорганизации немцев есть большое будущее.

Мы можем вместе создавать новые культурные и образовательные проекты, проводить встречи для молодёжи, рассказывать историю казахстанских немцев, поддерживать изучение немецкого языка, соединять культурное наследие с современностью. Церковное пространство может становиться местом встречи поколений – местом, где история не лежит в архиве, а продолжает жить. Потому что память – это не музей. Память – это ответственность.

Мы не можем изменить прошлое. Не можем отменить трагедии, переселения, разлуки и потери. Но мы можем сделать так, чтобы пережитое не оказалось напрасным. Можем передать следующему поколению не только воспоминание о прошлом, но и способность сохранять человеческое достоинство, верность своей культуре и уважение к культуре другого.

Я верю, что наша дружба будет продолжаться. И, возможно, через много лет кто-то, открывая документы сегодняшнего дня, скажет: эти люди сделали не так много, как им хотелось бы, но они понимали главное – то, что мы получили от предыдущих поколений, мы не имеем права оставить только себе. Мы должны передать это дальше. В этом и заключается смысл нашей совместной работы. И в этом – наше общее будущее. ■

Виртуальный музей немцев Казахстана – ко дню депортации

Тамара Волкова, кандидат исторических наук, почетный профессор Казахстанско-Немецкого университета, научный руководитель Виртуального музея немцев Казахстана

■ Виртуальный музей немцев Казахстана с 2018 г. ведет работу по сбору и сохранению свидетельств истории. Количество экспонатов, размещенных на сайте wiedergeburt.asia, уже приближается к тысяче. Это прекрасные образцы немецкой культуры, элементы праздничной и религиозной обрядности, описание памятных мест, памятников и многое другое.

Тема депортации немецкого населения пронизывает весь контент музея, включая воспоминания о прошлой жизни в родных местах, а также рассказы о тяжелых годах выживания в Казахстане, о трудармии. В совокупности это бесценные свидетельства прошлого, размещенные в соответствующих разделах сайта. Здесь много фотографий, есть образцы Библий как опоры в суровых испытаниях (ВМНК, раздел 8.1), а также иные характерные предметы, ставшие символическими... Это, например, маленькая супница, которую захватили в депортацию женщины семейства Фрайбергер как «символ уюта, тепла, как несломленный кусочек дома» (ВМНК, 5.7.16). Другой образец печальной памяти – половник для раздачи пайка в трудовом лагере (ВМНК, 5.7.11), который

Фото: wiedergeburt.asia

Ине́сса Гарвардт. Осень в Казахстане. 1944.

Софья Штиберт привезла как воспоминание о молодости, проведенной за колючей проволокой.

Таких предметов-символов множество, они хорошо демонстрируют историю депортации немцев, ее последствия.

Мы ведем постоянную поисковую работу по сбору новых экспонатов. В ленте сайта Виртуального музея идет регулярное обновление их изображений с кратким текстовым сопровождением. Ко дню депортации здесь появились разные по форме и содержанию экспонаты

и материалы. Это два новых, только что обработанных и размещенных: мемориальная стела памяти немецких женщин и детей в АЛЖИРе от правительства ФРГ; фото подростка Эвальда Дизера, рожденного в 1941 г. в эшелоне, который увозил немцев из Поволжья.

Здесь же опубликованы два фрагмента из документальных свидетельств: «Как фуфайка служила трудармейцу» и рассказ М.Э. Матвеевой (Эшнер) «Как в 1941 году закончилось детство». Первый текст на примере такой обыденной вещи, как фуфайка (иначе – ватник), показывает судьбу 16-летнего немца из Поволжья Александра Бооса. Другой фрагмент взят из интервью Матрены Эшнер, которая маленькой девочкой была депортирована вместе с семьей из Подмоскovie в Южно-Казахстанскую область. Позже мать забрали в трудармию, а детство у детей закончилось...

В разделе «Фрагменты» размещены еще два новых документальных материала: «Как местные жители встретили депортированных немцев» и «Как поволжские немцы покидали Сарепту». Помимо них во «Фрагментах» по «говорящим» заголовкам можно найти много фактических свидетельств и интересных рассказов очевидцев из жизни немцев. Для этого, пройдя по ссылке wiedergeburt.asia, достаточно вбить название в поисковик.

Мы всегда рады обратной связи с вами! ■

Wie Kinder von Deportierten zur Schule gingen

Schüler der 4. Klasse, darunter viele Kinder von Deportierten. S. Konstantinowka, Gebiet Akmolinsk, 1948. Foto aus: E. Abrams, „Vom Erlebten und Durchlebten. Erinnerungen und Gedanken eines Umsiedlers – Aussiedlers“ [Manuskript].

Fast die Hälfte der deportierten Deutschen waren Kinder – etwa 48 Prozent. Für viele von ihnen war der Schulbesuch aufgrund von Krankheiten, fehlender Kleidung und Schuhe sowie mangelnder Kenntnisse der Unterrichtssprache nicht möglich. In vielen Siedlungen gab es lediglich eine Grundschule. Dass Kinder deutlich älter waren als ihre Klassenkameraden, war keine Seltenheit.

Eduard Abrams veröffentlichte ein Foto seiner 4. Klasse (siehe oben), auf dem in der hinteren Reihe Jungen im Alter von 14 bis 16 Jahren stehen. Eduard selbst (zweite Reihe, ganz rechts) war bereits 13 Jahre alt.

Das Bildungsniveau der deutschen Bevölkerung sank infolge der Deportation und ihrer langfristigen Folgen erheblich. Das historische Trauma prägte auch die Lebenswege nachfolgender Generationen, darunter der in den 1950er-Jahren geborenen Kinder. Dabei muss auch von den Kindern aller Bevölkerungsgruppen gesprochen werden, die zwangsweise nach Kasachstan umgesiedelt wurden.

Zwei Forscherinnen – die Historikerin und Professorin Olga Litzenberger, wissenschaftliche Mitarbeiterin des Bayerischen Kulturzentrums der Deutschen aus Russland in Nürnberg, und PhD Rosa Musabekowa, Dozentin am Lehrstuhl für Russische Philologie der L.N. Gumiljow-Eurasischen Nationaluniversität in Astana – führten Oral-History-Interviews und werteten staatliche Archive der Republik Kasachstan aus.

Auf Grundlage dieses Materials zeigten Litzenberger und Musabekowa die Besonderheiten des Schulbesuchs und

Foto: wiedergeburt.asia

der Sozialisation von Kindern deportierter Russlanddeutscher, die während der Zeit der Sondersiedlung von 1941 bis 1955 in Kasachstan geboren wurden. Aus ihrem umfangreichen und aufschlussreichen Beitrag geben wir im Folgenden einen kurzen Auszug wieder, der davon erzählt, wie die Kinder zur Schule gingen.

Litzenberger, O., Musabekowa, M.: „Jeder hat seine eigene Geschichte ...“: Schule und Kindheit in den Erinnerungen deutscher Sondersiedler (1950er-1960er-Jahre) anhand von Oral-History-Materialien. In: Neue Literaturzeitschrift, Nr. 190 [6/2024], S. 84-103.

[Auszüge] Das Fehlen von Schulen an vielen Orten, an denen die deutsche Bevölkerung angesiedelt worden war, führte dazu, dass die Kinder zu Fuß zur Schule gehen mussten – oft über große

Entfernungen und unabhängig von den Wetterbedingungen.

Eduard H. berichtete: „Nur wenn es mehr als vierzig Grad Frost gab oder ein Schneesturm tobte, musste man nicht zur Schule gehen. Darüber haben wir uns dann gefreut.“ <...>

Einer der Zeitzeugen, Theodor L., Jahrgang 1945, lebte im Dorf Asat, wo es nur eine Grundschule gab. Er erinnerte sich, dass er Mitte der 1950er-Jahre ab der fünften Klasse bis zur achten Klasse die Schule im vier Kilometer entfernten Kuropatkino besuchen musste: „Ich stand sehr früh auf und ging vier Kilometer zu Fuß – bei Regen, im Schlamm, bei Frost und eisiger Kälte.“ <...>

Die Generation deutscher Kinder, die in der zweiten Hälfte der 1940er-Jahre zur Schule ging, berichtete wiederholt davon, dass es unter den Deutschen – anders als

bei den Einheimischen – an Schuhen und Kleidung mangelte. Sie erinnerten sich an Kleider aus Sackleinen, an Familien, die nur ein Paar Schuhe besaßen und diese untereinander aufteilen mussten, und sogar an Kleidung, die von Verstorbenen ausgezogen und weitergetragen wurde. Davon berichteten unter anderem Viktor S., Vera B. und Emilia P. <...>

Wilhelm J., Jahrgang 1947, berichtete, dass nicht nur deutsche, sondern auch deportierte tschetschenische Kinder mit denselben Problemen zu kämpfen hatten wie die Deutschen – im Gegensatz zu den einheimischen Kindern.

Als Wilhelm in die erste Klasse kam, besuchte auch ein tschetschenischer Junge namens Doschkajew dieselbe Klasse. Er ging immer barfuß zur Schule – bis zum ersten Schnee – und musste mehrere Jahre hintereinander immer wieder in der ersten Klasse beginnen.

Die Einheimischen halfen den Deportierten, so gut sie konnten. Viele der Bedürftigen „zogen von Haus zu Haus“ und baten um Almosen, obwohl auch die Einheimischen während und nach dem Krieg unter schwierigen wirtschaftlichen Bedingungen lebten.

Mit der Zeit wurde für bedürftige Familien materielle Unterstützung aus einem speziellen Fonds organisiert. Viktor S. erinnerte sich, dass seine Familie, die nach dem Tod des Vaters aus sechs Kindern bestand, ein Paar Schuhe erhielt. Die jüngeren Kinder, die in zwei Schichten zur Schule gingen, mussten die Schuhe abwechselnd tragen. ■

Wie deutsche Frauen den Weg in die Deportation erinnerten

Im Waggon auf dem Weg zum Deportationsort. Aus dem Album „Wenn Bilder sprechen könnten ... Deportation und Arbeitsarmee im Schaffen von A.K. Wormsbecher“, herausgegeben von P. P. Wibe, Omsk-St. Petersburg, 2020, S. 33.

Es ist bekannt, dass die meisten Menschen in den Zügen, mit denen die Deutschen zu ihren Deportationsorten gebracht wurden, Frauen und Kinder waren. Für die Frauen war es während der Reise besonders schwierig, sich um die Kinder zu kümmern und zugleich das Überleben der Familie zu sichern.

Auch die Wahrnehmung der Deportation unterschied sich bei Frauen und Männern. Über die dramatischsten Erlebnisse schwiegen die Frauen lange Zeit. Wie bewältigten sie diesen langen und schweren Weg? Was konnten sie sich Jahre später noch erinnern und was waren sie bereit zu erzählen?

Die Dozentin der Staatlichen Universität Karaganda und Kandidatin der Geschichtswissenschaften S. Eleuchanowa untersuchte die Erinnerungen deutscher Frauen, die während des Krieges nach Kasachstan deportiert wurden. Dafür wertete sie Archivmaterialien aus und führte Interviews mit unmittelbaren Zeitzeuginnen. Die Arbeit entstand im Rahmen des Projekts des Ministeriums für Bildung und Wissenschaft der Republik Kasachstan

Foto: wiedergeburt.asia

„Der Große Vaterländische Krieg und die Frauen Kasachstans an der Front und im Hinterland: Frauengeschichten und Alltag“.

[Auszüge] Im Gedächtnis aller deutschen Frauen sind die unmenschlichen Bedingungen der Umsiedlung haften geblieben. Ihre Erzählungen ähneln sich und werden durch die Erinnerungen anderer Zeitzeugen bestätigt. So berichtete Jelisaweta Garder (Jahrgang 1925): „Man stopfte uns wie

Heringe in Viehwaggons und brachte uns ins Ungewisse. Wir waren lange unterwegs. In den Waggons war es eng und stickig. Und Läuse gab es mehr als genug. Dann brachen Krankheiten aus. Medizinische Hilfe gab es überhaupt nicht. Typhus und andere Krankheiten waren unsere ständigen Begleiter. Unterwegs bekamen wir an den großen Bahnhöfen meistens Suppe und Fladenbrot. Für uns war das ein Fest.“

Die Reise zu den Orten der Ansiedlung war für die deutschen Frauen eine schwere Prüfung und eine enorme seelische Belastung. Aufgrund ihrer körperlichen Situation war es für sie besonders schwierig, die fehlenden Lebensbedingungen, die fehlende Privatsphäre bei intimen Verrichtungen und die Unmöglichkeit, grundlegende Hygienestandards einzuhalten, zu ertragen.

Besonders schwer waren die extremen Bedingungen für schwangere Frauen und stillende Mütter sowie für Frauen mit kleinen Kindern. Aus Gründen, auf die sie keinen Einfluss hatten, waren Frauen häufig nicht einmal in der Lage, ihren Kindern das Nötigste zum körperlichen Überleben zu geben.

Alle deportierten deutschen Frauen erinnern sich an den offen groben oder zumindest gleichgültigen Umgang mit ihnen durch die Begleitpersonen und die örtlichen sowjetischen Behörden.

Diese Erinnerungen machen deutlich, dass sich die weibliche Wahrnehmung der Deportation von der männlichen Sicht auf dieses Geschehen unterschied. ■

Was die Exponate des Virtuellen Museums über die Deportation erzählen

Ein Tragjoch, eine Holztruhe, eine Suppenterrine, ein Paar Lapti und eine wattierte Arbeitsjacke: Auf den ersten Blick sind es gewöhnliche Alltagsgegenstände. Die mit ihnen verbundenen Geschichten führen jedoch zurück in eine Zeit, in der deutsche Familien in der Sowjetunion ihre angestammte Heimat verloren und unter Zwang neue Lebensorte beziehen mussten.

Annabel Rosin

Manche der Dinge wurden auf der Flucht oder während der Deportation mitgenommen, wieder andere halfen ihren Besitzern, unter den schwierigen Bedingungen zu überleben. Über Jahrzehnte hinweg wurden sie aufbewahrt und an die Jüngeren weitergegeben.

Das Virtuelle Museum der Deutschen Kasachstans Wiedergeburt.asia bewahrt solche materiellen Zeugnisse. Sie erzählen Geschichte nicht aus der Perspektive von Verordnungen und Statistiken, sondern anhand dessen, was Menschen in ihrem Alltag besaßen, benutzten und bewahrten.

Ein Tragjoch für zwei schwere Koffer

Das Koromyslo – ein traditionelles Tragjoch – wurde in den 1930er Jahren von Heinrich Moor aus Weidenholz gefertigt.

Einige Jahre später wurde es für seine Tochter Anna zu einem wichtigen Begleiter.

Im September 1941 wurde Anna Heinrichowna Moor gemeinsam mit ihren drei Kindern im Alter von fünf, sieben und acht Jahren aus der ASSR der Wolgadeutschen deportiert. Für die Reise hatte sie zwei Sperrholzkoffer mit Lebensmitteln und persönlichen Dingen gepackt. Die Koffer waren so schwer, dass sie sie kaum tragen konnte. Deshalb nahm sie das von ihrem Vater gefertigte Tragjoch mit.

Das Koromyslo erwies sich auch während der Deportation als nützlich. Die Familie lebte zunächst in Nekrassowka im Bezirk Denissowski, später in Dschetygara. Nach Angaben des Museums konnte Anna Moor ihre drei Kinder durch unermüdliche Arbeit und liebevolle Fürsorge vor dem Hungertod bewahren.

Das unscheinbare Holzobjekt ist somit ein Gegenstand, der seinen Besitzerinnen und Besitzern aus dem früheren Alltag in eine völlig veränderte Lebenssituation folgte. Was einst vom Großvater für die Erleichterung der Arbeit im Haushalt gefertigt worden war, wurde zum langjährigen praktischen Hilfsmittel einer Mutter, die mit drei kleinen Kindern ums Überleben kämpfte.

Eine Truhe aus der Wolgaregion

Auch die Holztruhe der Familie Schmiss-Derksen wurde zum Begleiter auf dem Weg nach Kasachstan.

Die Truhe stammt aus dem Dorf Werchneje Ovilowo in der Wolgaregion und wurde Anfang des 20. Jahrhunderts gefertigt. Während der Deportation 1941 brachte die Familie M.J. Schmiss-Derksen sie in das Gebiet Semipalatinsk.

Auf der Innenseite des Deckels befinden sich Papieretiketten, auf der Vorderseite eine Zeichnung, bei der es sich vermutlich um ein Wappen handelt. Was die Familie einst in der Truhe aufbewahrte, ist nicht

liebvollen Namen: „Supnägeldja“. Die genaue Herkunft dieser Bezeichnung ist nicht mehr eindeutig bekannt.

Für ihre heutige Besitzerin ist die Terrine längst mehr als ein Haushaltsgegenstand. Sie steht für viele Erinnerungen an die Familie und insbesondere für die Verbindung zu einer Generation, deren Leben durch Deportation und Umsiedlung geprägt wurde.

Lapti für einen deutschen Jungen

Auch ein Paar Kinder-Lapti (Bastenschuhe) erzählt von den Lebensbedingungen während der Deportation.

Der neunjährige Robert Riedel wurde 1941 gemeinsam mit seinen Eltern aus Engels nach Sibirien deportiert. Im Sommer 1942 wurde er in einem Kolchos als Helfer seiner Mutter eingesetzt. Sie mussten Schweine auf freier Weide hüten. Robert lief wie viele Kinder im Dorf barfuß. Auf den gemähten Weiden verletzte er sich immer wieder an den scharfen Enden des Grasses. Seine Mutter bat deshalb einen Mann namens Gann, ihrem Sohn ein Paar Lapti zu flechten.

Gann war ein aus Belarus stammender Deportierter, der sich auf verschiedene Handarbeiten verstand. Er flocht Körbe und Behälter aus Naturmaterialien und stellte für sich selbst Lapti aus gereinigter Weidenrinde her. Für Robert fertigte er ebenfalls ein Paar an. Die leichten Schuhe ermöglichten dem Jungen, seine Arbeit fortzusetzen, ohne sich ständig die Füße zu verletzen.

Die Geschichte, die Robert Riedel später in seinen Erinnerungen festhielt, zeigt neben den Entbehrungen auch eine andere Seite des Lebens unter den Bedingungen der Deportation: Menschen, die selbst alles verloren hatten, halfen anderen mit dem, was sie konnten.

342 Flecken auf einer Fufajka

Eine Fufajka – auch Wattnik oder Telogreika genannt – war eine wattierte Arbeitsjacke, die sowohl von Männern als auch von Frauen getragen wurde. Für die Angehörigen der Trudarmee war warme Kleidung unter den Bedingungen der schweren Arbeit und des kalten Klimas besonders wichtig.

Der deutsche Schriftsteller Reinhold Schulz erzählt in seiner Geschichte „Fufajka“ vom Schicksal des 16-jährigen Alexander Boos. Der Wolgadeutsche wurde 1941 gemeinsam mit seiner Familie in die Republik Komi deportiert. Dort arbeitete er insgesamt 17 Jahre, von 1941 bis 1958.

Seine Fufajka wurde dabei zu einem ständigen Begleiter. Sie schützte ihn bei der Arbeit vor der Kälte, diente aber auch als Kissen oder Decke. Bei der Arbeit und

bei Unfällen wurde sie beschädigt und immer wieder geflickt.

Mit der Zeit wurde die Jacke schwer, abgetragen und von zahlreichen Flecken bedeckt. Als sich die Lebensbedingungen etwas verbesserten und Boos sich eine neue Fufajka kaufen konnte, nahm er die alte noch einmal zur Hand. Er trennte die Flecken ab und zählte sie. Es waren 342.

Die Zahl stammt aus Reinhold Schulz' literarischer Darstellung und macht die Fufajka zu einem eindringlichen Bild für die Jahre in der Trudarmee. Jeder Flecken steht sinnbildlich für eine Beschädigung, eine Reparatur und das Weiterleben unter Bedingungen, unter denen selbst ein Kleidungsstück möglichst lange halten musste.

Wenn Alltagsgegenstände zu Zeitzeugen werden

Die fünf vorgenannten Exponate erzählen sehr unterschiedliche Geschichten. Das Tragjoch steht für eine Mutter, die mit ihren drei kleinen Kindern deportiert wurde. Die Truhe erinnert an das, was eine Familie aus ihrer früheren Heimat mitnahm. Die Suppenterrine bewahrt eine Verbindung über mehrere Generationen. Die Lapti erzählen von gegenseitiger Hilfe unter Deportierten. Und die Fufajka steht für die jahrelange Arbeit und Entbehrung in der Trudarmee.

Gemeinsam machen diese Gegenstände deutlich, wie eng die großen historischen Ereignisse mit dem Alltag der von ihnen Betroffenen verbunden waren. Deportation bedeutete nicht nur den Verlust des Wohnortes. Sie veränderte auch, was Menschen besaßen, was sie mitnehmen konnten und welche Bedeutung alltägliche Dinge bekamen.

Heute sind diese Gegenstände selbst zu Zeitzeugen geworden. Sie erinnern an Menschen und Familien, deren Lebenswege durch Deportation und Zwangsarbeit geprägt wurden – und auch daran, was sie trotz aller widrigen Umstände bewahren konnten.

Die Gegenstände können anhand der QR Codes im virtuellen Museum betrachtet werden.

Mehr als nur Deportation:

Das Magazin „Jolki-Palki!“ über russlanddeutsche Identität

Line Brümmer

„Ich weiß eigentlich total wenig über meine Familiengeschichte“, stellte die Russlanddeutsche Juliane Lipp mit dem Älterwerden fest. Auch ihre Eltern und Großeltern konnten ihr nur wenig über die Vergangenheit der Familie erzählen – oder machten es schlicht nicht. So wuchs bei Lipp der Wunsch, sich damit näher auseinanderzusetzen. Und er wurde schließlich zum Ausgangspunkt für „Jolki-Palki!“, ein Magazin über russlanddeutsche Identität, Kultur und Geschichte.

„Jolki-Palki!“ (russisch Ёлки палки!, wörtlich „Tannenbaum-Stöcke“) ist ein russischer Ausruf der Überraschung oder Verwunderung. Deutsche Äquivalente wären in etwa „Ach du meine Güte!“ oder das heute eher selten verwendete „Heiliger Bimbam!“. Genau das fasste aber die Gedanken ganz gut zusammen, die beim Nachdenken über russlanddeutsche Themen häufig aufkommen, findet Lipp und benennt ihr Projekt danach. Das 168-seitige Magazin entstand 2021 im Rahmen ihres Masterstudiums mit viel Arbeit und Herzblut. Im vergangenen Jahr brachte sie es schließlich per Crowdfunding in limitierter Auflage heraus.

Deportation wiegt schwer

Das Thema der Deportation wiegt in der Geschichte vieler Russlanddeutscher schwer – auch in Lipps eigener Familie. In „Jolki-Palki!“ gibt sie ihm deshalb bewusst Raum.

Ihre beiden Eltern sind russlanddeutscher Herkunft: Der Vater wurde im kasachischen Karaganda geboren, die Mutter in Usbekistan. Beide Großmütter kommen aus dem Schwarzmeergebiet nahe Odessa.

„Die haben dann quasi diese Geschichte in typischer Form mitgemacht“, erzählt die heute 32-jährige: Sie wurden aus ihrer Heimat ausgesiedelt, kamen zunächst auf das Gebiet des heutigen Polens, wurden aber dann nach Sibirien deportiert und landeten schließlich in Kasachstan und Usbekistan. 1989 kam die Familie nach Deutschland. Lipp selbst wurde in Osnabrück geboren.

Die Geschichte der Deportation aufzuarbeiten, bedeutete für sie zunächst auch, die historischen Zusammenhänge selbst zu verstehen. Im historischen Teil von „Jolki-Palki!“ findet sich deshalb unter anderem

ein ausklappbarer Zeitstrahl. Er soll helfen, zeitliche Abläufe und Chronologien aufzuschlüsseln, die sie bei ihrer eigenen Auseinandersetzung mit der Familiengeschichte zunächst nur schwer einordnen konnte.

Der Zeitstrahl fand auch über das Magazin hinaus Verwendung: Bei einem „Gesprächsabend zu Deportationen und Erinnerung“ im Juli 2026 wurde er großformatig aufgezogen und an der Wand präsentiert.

Im Austausch mit anderen merkte Lipp schnell: Mit dem Wunsch, mehr über die Familiengeschichte zu erfahren, war sie nicht allein. Immer wieder hörte sie von anderen Russlanddeutschen ihrer Generation: „Ja, irgendwie weiß ich auch gar nicht so viel, in meiner Familie reden wir auch gar nicht darüber.“

Lipp beobachtet, dass die Auseinandersetzung mit der Geschichte der eigenen Familie in ihrer Generation zunimmt – nicht zuletzt, weil auch öffentlich mehr darüber gesprochen wird. Doch auch bei der Großelterngeneration vermutet sie einen Wandel: „Meine Oma zum Beispiel, da merkt man auch schon, sie wird auch älter und ich glaube, es wächst auch bei ihr das Bedürfnis, sich darüber mitzuteilen.“

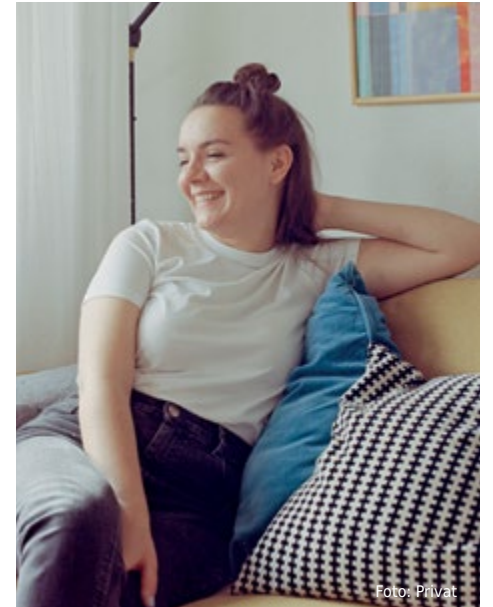
Auch sie selbst lässt diese Vergangenheit nicht unberührt. „Der Teil der Geschichte mit der Deportation wiegt schon sehr schwer in meiner Seele“, sagt die Wahl-Karlsruherin. Jedes Mal, wenn sie die Biografie ihrer Urgroßmutter im Magazin lese, müsse sie weinen. Diese schrieb 1992 ihre schicksalhafte Lebensgeschichte nieder.

„Im März 1944 wären wir ausgesiedelt von unserer Heimat. Wir nehmen mit uns nur das was wir nötig brauchen. Es war schwer mit vier Kindern. Der Weg war lang, er dauert drei Monate“, heißt es mitunter. An späterer Stelle: „Endlich kommen wir an in Sibirien, Gebiet Altai. Es war weit und breit, nur Wald, und da müssen wir arbeiten. Es war schon Oktober Monat, aber wir haben kein Essen und keine warme Kleidungen. Die Kleidung was wir noch haben aus Polen, haben wir umgetauscht für etwas zum essen.“

„Ich habe das Gefühl, das macht extrem viel mit mir und ich kann mir vorstellen, dass das anderen auch so geht, dass da etwas ist, was total tief in einem verankert ist, dass so ein Trauma auch über Generationen etwas hinterlässt“, beschreibt Lipp. Mögliche Folgen sieht sie auch in bestimmten Verhaltensweisen. So beobachtet sie bei vielen Russlanddeutschen eine gewisse „falsche Bescheidenheit“, ein Sich-Kleinmachen und Verstecken und führt dies unter anderem auf jene Ausgrenzungs- und Diskriminierungserfahrungen zurück – auch noch viele Jahre nach der Deportation.

Auf den Spuren der Vergangenheit

In diesem Jahr wird aus der Beschäftigung mit der Familiengeschichte auch eine physische Spurensuche. Im September reist die Familie gemeinsam nach Kasachstan und Usbekistan – zum ersten Mal, seit sie 1989 nach Deutschland kamen. Dort

wollen sie schauen, was von der Familiengeschichte noch zu finden ist: das Grab ihres Großvaters, nach Spuren deutscher Siedlungen, Friedhöfe oder Schulen – und zugleich die Länder erleben.

Es war ihre eigene Initiative, die Sehnsucht war groß. Ihre Eltern hingegen wollten zunächst gar nicht mit: „Die fanden das jetzt nicht so leicht, sich damit nochmal so zu konfrontieren.“

Auch für „Jolki-Palki!“ stellte sich die Frage, wie sich mit diesem sensiblen Teil der Vergangenheit umgehen lässt. Der Grafikdesignerin ist es wichtig, diesen dunklen Teil der Vergangenheit nicht herunterzuspielen und ihm jenen Raum zu geben, den er verdient. Gleichzeitig will sie nicht daran hängen bleiben. Denn: „Es ist auf jeden Fall nicht das Einzige, was Russlanddeutsche ausmacht, es gibt auch viel Schönes, viel Lustiges, viel Tolles, worüber man sprechen kann“, betont Lipp – und tut genau das. „Top Fünf russlanddeutsche Lieblingsgetränke“ heißt es beispielsweise auf einer Seite, auf einer anderen findet sich eine Bilderstrecke aus einem russischen Supermarkt.

Damit scheint sie einen Nerv zu treffen: Das Interesse sei geradezu überwältigend gewesen. Auch jetzt, wo keine Ausgaben mehr zum Verkauf stehen, werde noch regelmäßig danach gefragt. Dabei gebe es durchaus andere Angebote, auch wissenschaftliche. Mit „Jolki-Palki!“ ist ihr vielleicht das gelungen, wonach viele Suchen: Der Balanceakt zwischen Leichtem und Schwerem, zwischen Entertainment und Wissensvermittlung. ■

„Das Bestrafte Volk“ – 85 Jahre Deportation der Deutschen in der Sowjetunion (1941–2026)

Vor 85 Jahren begann die Deportation der Deutschen in der Sowjetunion. Das animierte Video „Das Bestrafte Volk“ zeichnet die Chronologie dieser Ereignisse nach und veranschaulicht das Ausmaß der staatlichen Repressionen gegen die Russlanddeutschen.

Zahlen, Erlasse und historische Ereignisse zeigen, wie die deutsche Bevölkerung der Sowjetunion entrechtet, deportiert und zur Zwangsarbeit verpflichtet wurde. Zugleich erinnert die Dokumentation an die persönlichen Schicksale der Betroffenen und daran, dass die Folgen dieser Repressionen bis heute in den

Familiengeschichten der Russlanddeutschen nachwirken.

Die kompakte Geschichtsdokumentation entstand unter der wissenschaftlichen Leitung von Prof. Dr. Olga Litzenberger als Kooperationsprojekt des Kulturzentrums BKDR und der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland (LmDR).

Gefördert wurde das Projekt durch das Bayerische Staatsministerium für Familie, Arbeit und Soziales.

Durch Scannen des QR-Codes gelangen Sie direkt zum Video.

«...в 1941-м нас выслали в Казахстан...»

Симпозиум в Нюрнберге к 85-летию депортации немцев

как один из ключевых факторов, определивших специфику этнокультурной трансформации немецкого населения Казахстана во второй половине XX в. Именно в этот и последующий периоды, вплоть до конца 1980-х гг., были сформированы основные особенности современной этнокультурной идентичности казахстанских немцев, сочетающей элементы исторического наследия, советского опыта и полиэтнической культурной среды Казахстана.

Тематика спецпоселения немцев в северных регионах Казахстана была освещена в докладе Арайлым Мусагалиевой, д.и.н., профессора, и Розы Мусабековой, PhD, доцента из Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва в Астане. Алматинский исследователь Рамазан Абильтос, и.о. руководителя Центра перспективных исследований ЦГА РК, докторант кафедры истории Казахстана КНУ им. аль-Фараби, в своем докладе поднял малоизученную тему использования подневольного труда депортированных немцев, в том числе 12-летних детей, на строительстве каналов на юге Казахстана в 1940-1950-е гг.

История, которая продолжается в семейной памяти

Завершением научной части стала подиумная дискуссия «Казахстан в исторической памяти немцев», которую модерировала Ольга Литценбергер. Участники обсудили собственный опыт поиска архивных документов, семейных материалов и других источников, позволяющих восстанавливать судьбы депортированных.

Сегодня подобные исследования имеют значение не только для профессиональных историков. Для многих потомков российских немцев архивный документ, личное дело или запись в карточке спецпоселенца, письмо или фотография становятся возможностью узнать судьбу родственника, восстановить семейную историю и вернуть из забвения имя человека, пережившего депортацию, прошедшего трудовую армию, состоявшего на учете спецпоселения.

85-летие трагических событий 1941 г. – это не только дата в историческом календаре. Это повод вновь обратиться к документам и воспоминаниям, услышать голоса тех, кто пережил депортацию, и передать их истории следующим поколениям.

Юлия Подопригра

«...в 1941 году нас выслали в Казахстан...» – такие слова сегодня можно встретить в многочисленных воспоминаниях очевидцев и участников трагических событий, связанных с депортацией, трудовой мобилизацией и режимом спецпоселения немцев СССР (1941-1956 гг.).

1941 г. стал переломным в истории советских немцев. Массовая депортация, последовавшая за ней мобилизация в трудовую армию, принудительное взятие на учет спецпоселения и многолетний административный контроль коренным образом изменили судьбы сотен тысяч людей. Для многих немецких семей Казахстан стал местом вынужденного проживания на долгие десятилетия, а для последующих поколений – частью семейной и этнокультурной памяти.

Несмотря на то что история депортации советских немцев уже многие десятилетия является предметом исследований историков, этнологов и архивистов разных стран, в этой теме по-прежнему остаются малоизученные страницы. Это касается не только обстоятельств самого выселения, но и дальнейшей судьбы депортированных: их мобилизации в трудовую армию, использования на промышленных и строительных объектах, а также пребывания на учете спецпоселения в комендатурах различных областей Казахстана и др.

Особенно важное значение сегодня приобретает обращение к архивным документам, семейным материалам

и устным свидетельствам. Именно их сопоставление позволяет не только восстанавливать отдельные биографии, но и глубже понять долгосрочные последствия депортации для всего немецкого населения Казахстана.

Одной из площадок, где исследователи смогли представить накопленные материалы и обменяться научным опытом стал симпозиум «Казахстан в судьбе немцев: принудительное переселение и повседневная жизнь», посвященный 85-й годовщине депортации немцев в Советском Союзе. Симпозиум проходил в гибридном формате в г. Нюрнберг по инициативе Баварского культурного центра немцев из России (BKDR). Партнером мероприятия со стороны Казахстана выступила республиканская немецкая газета «Deutsche Allgemeine Zeitung» (DAZ).

Руководитель Культурного центра BKDR Вальдемар Айзенбраун и директор «Deutsche Allgemeine Zeitung» (DAZ) Роберт Герлиц тепло поприветствовали участников симпозиума и отметили важность и значимость темы депортации в истории казахстанских немцев.

Газета как хранитель исторической памяти

Главный редактор DAZ Олеся Клименко в своем онлайн-докладе отметила, что еще 60 лет назад, когда республиканская немецкая газета только начинала свою деятельность, темы, связанные с депортацией, трудовой армией и режимом спецпоселения,

которым подверглись этнические немцы в СССР, замалчивались в публичном пространстве и были нежелательными. Тем не менее, именно газета «Freundschaft» стала одним из центров, где зарождалось движение «Возрождение», а её корреспонденты стали собирать первые свидетельства и личные истории людей, насильственно выселенных в Казахскую ССР. Сегодня эти материалы представляют не только журналистский, но и значительный исторический источник. Воспоминания, письма, фотографии и семейные истории помогают дополнить официальную картину событий человеческими судьбами и позволяют увидеть историю депортации глазами самих ее участников.

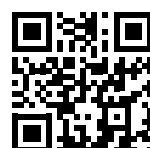
От депортации – к долгосрочным последствиям

Общие вопросы причин, хода и последствий депортации поднял в своем докладе доктор Виктор Кригер, научный сотрудник BKDR. Профессор, доктор Ольга Литценбергер, научный сотрудник BKDR, на основе документов государственных архивов Казахстана, а также собранных устных свидетельств обратилась к теме детей, взятых на учет спецпоселения в Казахской ССР.

Юлия Подопригра, к.и.н., докторант Института истории, археологии и этнологии НАН КР (Астана), в своем выступлении обратила внимание на то, что режим спецпоселения следует рассматривать не только как систему административных ограничений, но и

INTERAKTIVES ARCHIV DER DEUTSCHEN KASACHSTANS - eine einzigartige Online-Ressource, die Materialien aus staatlichen und privaten Sammlungen vereint und der Geschichte und Kultur der Deutschen Kasachstans gewidmet ist.

Die Geschichte der Familie Librecht:

Von der Deportation bis zur Wiedervereinigung

Schon seit meiner Kindheit wusste ich, dass ich eine Deutsche bin und dass mein Urgroßvater deportiert wurde. Ich hatte zwar das in unserer Familie erhalten gebliebene Dokument über seine Deportation gesehen, wusste aber kaum etwas über die Geschichte, die dahinterstand. Deshalb habe ich anlässlich des 85. Jahrestages der Deportation der Deutschen beschlossen, die Erinnerungen meiner Verwandten zu sammeln, den Lebensweg meines Urgroßvaters nachzuverfolgen und mehr über die Geschichte meiner Familie zu erfahren.

Veronika Librikht

■ Meine Vorfahren waren Russlanddeutsche und lebten im Wolgagebiet der sogenannten Autonomen Sozialistischen Sowjetrepublik der Wolgadeutschen. In den ersten Jahren ihres Bestehens wurde sie als „Musterrepublik“ bezeichnet.

Das Dorf, in dem meine Vorfahren vor der Deportation lebten, lag in der Oblast Saratow und hieß Boaro (russisch: Borodajewka). Dort lebten mehrere Generationen meiner Familie, bis sich ihr Leben 1941 für immer veränderte.

Die Deportation

Am 28. August 1941 erließ das Präsidium des Obersten Sowjets der UdSSR einen Erlass über die Umsiedlung der Deutschen, die in den Gebieten an der Wolga lebten. Für die Familie meines Urgroßvaters wurde dieser Erlass zum Beginn des Weges nach Sibirien. Laut einem in unserer Familie erhalten gebliebenen Dokument wurden sie am 11. September 1941 mit den Zügen Nr. 763 und 775 nach Nowosibirsk gebracht. Von dort wurde die Familie in das Dorf Mendatschny weitergeleitet.

Gemeinsam mit seinen Eltern, seinen Brüdern und Schwestern wurde auch der damals zwölfjährige Konstantin deportiert. Die älteste Tochter der Familie ging nicht mit: Sie war zu diesem Zeitpunkt bereits verheiratet, und ihr Mann war an der Front. 1946 verließ auch sie ihre Heimat. Nach dem Krieg kehrte ihr Mann von der Front zurück und sagte, dass er nicht mehr mit ihr zusammenleben wolle, weil sie Deutsche sei.

Für die Vorbereitungen blieb kaum Zeit. Sie durften nur wenig Gepäck mitnehmen. Ihr Haus und den gesamten Besitz mussten sie zurücklassen.

Bis März 1956 unterstanden die deportierten Deutschen dem Regime der sogenannten Sondersiedlungen und der ständigen Kontrolle durch eine Kommandantur. Sie mussten sich regelmäßig melden und eine Genehmigung einholen, wenn sie ihren Wohnort verlassen wollten.

Von dieser Zeit erzählte mir Sergej Belesch, der Cousin meines Urgroßvaters: „Ich erinnere mich gut an den Kommandanten. Er musste die Deportierten regelmäßig besuchen. Er war ein normaler, ich würde sogar sagen, guter Mensch. Er hat einfach seine Arbeit gemacht.“ Mit ihm stand ich während meiner Recherchen im schriftlichen Kontakt.

Die Wiedervereinigung der Familie

Die Deportation trennte nicht nur Familien und führte nicht nur zum Verlust der Heimat. So zerbrach Konstantins eigene Familie später aus anderen Gründen, und der Kontakt zwischen den einzelnen Familienzweigen begann allmählich abzubauen.

Konstantin hatte eine erste Familie – seine Frau und zwei Kinder, Tonja und Genadi. Nach der Trennung zog seine erste Frau mit den Kindern zu ihrem Bruder nach Kasachstan. Konstantin aber zog nach der

Foto: Privat

Diese Worte sind für mich besonders wichtig. Jahrzehnte nach der Deportation und den darauffolgenden Trennungen unserer Familie konnte die Verbindung zwischen uns schließlich wiederhergestellt werden. Und daran hat meine Mutter einen großen Anteil. Sie hätte diese Menschen niemals suchen müssen – schließlich waren so viele Jahre vergangen und viele Verbindungen längst abgebrochen. Aber es war ihr wichtig herauszufinden, woher unsere Familie stammt, wer diese Menschen waren und was aus ihnen geworden war.

Auch unser Familienname trägt eine kleine Geschichte in sich

Heute lautet unser Familienname Librikht. Die übrigen Verwandten tragen jedoch den Namen Librecht. Irgendwann kam es in den Dokumenten zu einem Fehler: Der Familienname wurde so

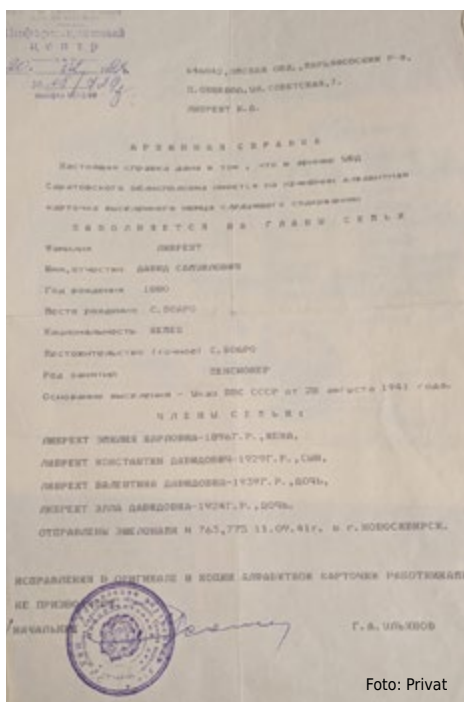

Foto: Privat

Foto: Privat

Trennung in die Oblast Omsk, in das Dorf Karaganowka.

Trotz der Trennung ihrer Eltern fanden Tonja und Konstantin allmählich wieder zueinander. Sie begannen, sich Briefe zu schreiben. Als Tonja 14 Jahre alt war, reiste sie zu ihrem Vater nach Omsk und blieb etwa einen Monat bei ihm. Dort lernte sie die neue Familie ihres Vaters kennen und wurde, wie sie sich erinnert, von dieser herzlich aufgenommen. „Das Dorf war komplett deutsch und klein, es hatte nur 32 Häuser“, erinnert sich Tonja.

Später zog Konstantin nach Deutschland. Nach und nach verstreuten sich auch andere Verwandte. Der Kontakt, der nur mühsam wiederhergestellt worden war, brach erneut ab. Der Briefwechsel hörte auf, und über mehrere Jahrzehnte wussten die verschiedenen Familienzweige kaum etwas voneinander.

An diesem Punkt hätte die Geschichte enden können. Doch Jahre später setzte meine Mutter sie fort. Sie beschloss, über eine Gruppe für Menschen mit demselben Familiennamen auf „Odnoklassniki“ nach Verwandten zu suchen. Auf ihre Suchanzeige meldeten sich schließlich zwei Verwandte von Konstantin – sein Sohn Eugen und dessen Frau Swetlana. Nachdem sie

miteinander Kontakt aufgenommen und ein persönliches Treffen zwischen ihnen vereinbart hatten, reiste meine Mutter nach Deutschland und traf dort zum ersten Mal ihren Großvater. Später blieben sie durch Briefe miteinander in Kontakt.

Besonders wertvoll für unsere Familie ist ein Brief, den ich im Familienarchiv gefunden habe. Konstantin hatte ihn an meine Mutter geschrieben. Darin wendet er sich an sie mit den Worten: „Meine sehr geehrte Enkelin“, und schreibt anschließend: „Hallo, liebe Urenkelinnen Christina und Veronika.“

Besonders berühren mich jedoch einige Zeilen, die er an meine Mutter schrieb: „Danke, Tanja, dass du mich respektierst. Tanja, ich respektiere dich, liebe dich, schätze dich und umarme dich.“

Konstantin lebte allein und schrieb über seine Einsamkeit: „Wenn man allein lebt, vergeht viel Zeit langweilig, aber ich bin zufrieden damit, dass ich niemandem zur Last falle.“

Vor diesem Hintergrund klingen seine Worte an meine Mutter besonders eindringlich: „Und dann bist du hier in Deutschland, du bist meine liebe, meine eigene Enkelin. Tanja, du hast mich wieder zum Leben erweckt. Danke.“

aufgeschrieben, wie er gehört wurde. So wurde aus „Librecht“ „Librikht“.

Als der Fehler bemerkt wurde, beschloss man, den Namen nicht mehr zu ändern. Zu diesem Zeitpunkt war der Familienname bereits in zahlreichen Dokumenten eingetragen, und es wäre zu aufwendig gewesen, alles zu ändern. So ist dieser Fehler bis heute Teil unserer Familiengeschichte geblieben.

Heute gibt es innerhalb einer Familie also zwei Varianten desselben Familiennamens. Für mich bedeutet das jedoch keine Trennung. Im Gegenteil: Es ist ein weiteres kleines Detail unserer gemeinsamen Familiengeschichte. Das Wertvollste für mich ist, dass wir heute wieder voneinander wissen, Kontakt zu unseren Verwandten haben und die Geschichte unserer Familie weiter erforschen können.

Diese Geschichte begann lange vor meiner Geburt – im Wolgagebiet – und führte über die Deportation, Sibirien und Kasachstan. Im Laufe der Zeit lebten verschiedene Zweige unserer Familie weit voneinander entfernt, unter anderem in Deutschland. Doch nach Jahrzehnten haben wir einander wiedergefunden. Und nun verbindet uns diese Geschichte, die uns einst durch Entfernung und Zeit auseinandergerissen hatte, wieder miteinander. ■

Икар Тир: судьба, вписанная в историю Караганды

К 95-летию Икара Дмитриевича Тира – инженера, учёного, специалиста горной техники и представителя поколения советских немцев, чьё детство и юность пришлось на годы репрессий и депортации.

Гульмжан Бертаева

Истории иногда начинаются с архивных документов и газетных публикаций. А эта началась с визита.

В августе, накануне 95-летия Икара Дмитриевича Тира, организатор проекта «Социальная работа» Карагандинского немецкого центра Людмила Галуцкая и внештатный корреспондент Гульмжан Бертаева приехали поздравить юбиляра.

Привезли поздравления, а уехали с ощущением, что побывали на встрече с живой историей. Рядом с юбиляром была его супруга Ева Ивановна – педагог-филолог, человек удивительной культуры речи и ясной памяти. Именно она рассказала о родителях Икара, его детстве, репрессиях, депортации, жизни семьи в Казахстане и последующем профессиональном пути.

Многие воспоминания когда-то были рассказаны ей самим Дмитрием Эдгаровичем Тиром – отцом Икара.

Имя, рождённое мечтой

В начале 1930-х годов трое молодых военных лётчиков: Дмитрий Тир, Владимир Судец и Иван Баграмян (двое последних – будущие маршалы СССР) – были увлечены авиацией. Они читали Циолковского, мечтали о будущем и верили, что человеку предстоит покорить не только небо, но и космос.

Друзья договорились: если у них родятся сыновья, назовут их Икарами. Имя было символичным. В древнегреческом мифе Икар пытается вырваться из плена и подняться в небо на крыльях. Для молодых лётчиков это был символ свободы, полёта и будущего. 14 августа 1931 года у военного лётчика Дмитрия Эдгаровича Тира родился сын. Его назвали Икаром. Никто тогда не мог предположить, насколько далёким от мечты окажется его путь.

Отец – человек неба

Дмитрий Тир был военным лётчиком. В 1930-е годы он преподавал в Оренбургском военном училище, затем получил назначение в Пермь. Всё изменилось после доноса. Дмитрия исключили из Красной армии и партии, арестовали и объявили врагом народа.

В 2012 году Икар Дмитриевич рассказывал об этом на презентации книги историка Екатерины Кузнецовой «Карлаг ОГПУ – НКВД. От Столыпина до ГУЛАГа». Опубликованные тогда воспоминания сегодня имеют особую ценность: сын сам рассказывал о судьбе отца, о репрессиях и о том, как семья оказалась в Казахстане.

После освобождения Дмитрию Тиру было запрещено жить в крупных городах. Так семья оказалась в Джамбуле. Бывший военный лётчик работал мастером-техником на аэродроме. Но вскоре наступил 1941 год.

Дорога в неизвестность

Несмотря на службу в авиации и военное прошлое, Дмитрий Тир оказался среди депортированных немцев.

Дмитрий Эдгарович и Зинаида Павловна

Икар Дмитриевич и Ева Ивановна Тир

Представители общества в гостях у семьи Тир

Ева Ивановна сохранила его рассказ об этой дороге. Семья ехала около двух недель. Вещи везли на арбе. В Уч-Арале никто заранее не подготовил жильё для прибывших. Тирам достался сарай с протекающей крышей.

Так началась новая жизнь – уже в условиях депортации. Особенно трагичным было то, что человек, посвятивший себя авиации, в годы войны не смог вернуться к военной службе. Дмитрий Тир трижды обращался в военкомат, стремясь снова служить. И трижды получал отказ. Человек, который умел летать, больше не имел права подняться в небо.

Мальчик, который рано стал взрослым

А рядом рос Икар. В начальных классах он учился в Джамбуле и Уч-Арале. Позднее семья переехала в Каратау. Там в 13 лет началась трудовая жизнь подростка. В городе развивалась добыча фосфоритов, требовались рабочие разных профессий. Икар выбрал технику. После школы он шёл на работу. Окончил курсы экскаваторщиков, стал помощником машиниста, а затем начал работать самостоятельно. Но вскоре судьба нанесла семье новый удар. Когда Икару было 15 лет, отца вновь арестовали. Дмитрий Тир оказался в лагере. Близкие остались без поддержки.

Мать Икара, Зинаида Павловна, не хотела мириться со случившимся. Она верила, что мужа можно освободить, пыталась доказать его невиновность.

Шесть лет отец и сын не виделись. Для Икара это были годы взросления, которые пришлось не на спокойную юность, а на тяжёлое время ответственности за семью. Особенно тяжёлым оказался 1952 год. Дмитрий Тир находился в лагере в крайне тяжёлых условиях. Но однажды лагерные работники узнали, что он бывший военный лётчик, и его перевели в гараж, где он мог работать по специальности.

«Ты немец? Немец – умри, но сделай!»

В семье Тиров сохранилась фраза, которую Икар запомнил на всю жизнь: «Ты немец? Немец – умри, но сделай!»

Сегодня эти слова могут звучать слишком сурово. Но для поколения его отца в них заключалась особая формула характера: не отступать, не жаловаться, доводить дело до конца. Именно таким Икар видел отца. И, возможно, именно это качество помогло ему самому пройти через испытания, выпавшие на его долю.

Караганда стала судьбой

В 1952 году Икар приехал в Караганду. Здесь начался новый этап его жизни. Он поступил в горный техникум, который

окончил с отличием. Работал электрослесарем, затем занимал инженерные должности на шахтах Карагандинского угольного бассейна. Одновременно учился на вечернем отделении политехнического института.

Так рабочий постепенно стал инженером, а затем учёным и одним из специалистов, занимавшихся развитием горной техники Караганды.

Почти четверть века Икар Дмитриевич работал над механизацией горных работ, внедрением новой техники, решением сложных производственных задач. Он сотрудничал с научно-исследовательскими институтами, занимался разработкой и совершенствованием горных машин, защитил кандидатскую диссертацию. Его научная работа была тесно связана с производством. Он не был кабинетным специалистом: если возникала проблема, спускался в шахту вместе с горняками и искал решение на месте.

В этом была особенность его профессионального характера – техника всегда была для него средством, а не целью. За машиной он видел человека, его безопасность и труд.

Память, которую хранит семья

Невозможно рассказывать историю Икара Дмитриевича, не говоря об Еве Ивановне. Они поженились в 1957 году. С тех пор рядом почти семь десятилетий.

Ева Ивановна – филолог и педагог. В Караганде она обучала детей, многие семьи которых также пережили трагические страницы советской истории. Среди её учеников были дети депортированных корейцев, ингушей, раскулаченных.

Сегодня именно она хранит значительную часть семейной памяти: старые фотографии, письма Дмитрия Эдгаровича. Эти документы личной истории помогают понять эпоху не через сухие цифры, а через судьбу конкретного человека.

В гостиной супругов Тир стены увешаны фотографиями. На них – родители, друзья, коллеги, события разных десятилетий. За каждым снимком стоит своя история. ■

Виталий Михаэлис: «Половина моей музыки связана с Казахстаном»

К 85-летию депортации советских немцев: разговор об уникальности «русланддойч», трагедии целого поколения и искусстве, которое побеждает забвение.

Марина Ангальдт

■ Незадолго до памятной даты мне удалось побеседовать с Виталием Михаэлисом, известным музыкантом, композитором, сыном Вильгельма Михаэлиса, знаковой фигуры в искусстве Республики немцев Поволжья. С 1939 по 1941 год Вильгельм Александрович возглавлял отделение Союза художников в Энгельсе. Депортация и клеймо спецпереселенца на долгие годы лишили его возможности участвовать в выставках, вынудив работать простым оформителем.

Сегодня его редкие пейзажи и тематические полотна 1930-х годов по картинам собираются в фондах Госархива немцев Поволжья, Радищевском музее в Саратове, а также в частных собраниях России и Казахстана. В нашем разговоре Виталий Вильгельмович поделился тяжелыми размышлениями о судьбе репрессированного народа, признался в глубокой любви к Казахстану и озвучил заветную цель – разыскать утерянное художественное наследие своего отца.

«КОМПОЗИТОР БЕЗ АМБИЦИЙ НЕ КОМПОЗИТОР»

– Виталий, Вы выросли в семье художника-живописца. Как визуальное искусство отца повлияло на Ваше музыкальное восприятие?

– То, что мы перенимаем от родителей в детстве, позже напрямую отражается на нашем собственном воспитании. Например, когда я был маленьким, отец возил меня в ведомственный детский сад от своего предприятия. После сада он забирал меня в мастерскую, где я сидел и подолгу рассматривал репродукции картин. В то время в журнале «Огонёк» на центральном двухстраничном развороте всегда печатали работы разных художников. Благодаря этому я с пяти-шести лет постоянно всё это листал и сейчас отлично знаю, например, эпоху Возрождения, голландскую живопись или русских передвижников. Вот такое у меня сложилось художественное воспитание. При этом отец, в отличие от меня в отношениях с моим сыном, не учил меня чему-то напрямую. Он просто занимался своим делом, а я учился, наблюдая за его работой. Это было такое пассивное воспитание.

– Если бы Вас попросили перевести самые известные картины Вашего отца на язык музыки, какие инструменты оркестра Вы бы выбрали для его любимых оттенков и красок?

– Я бы сказал, что это будет импрессионизм. Не могу точно определить, какие именно инструменты я бы использовал, но в стилистическом плане это однозначно был бы импрессионизм, это был бы Клод Дебюсси. Я говорю сейчас об акварелях моего отца, которые, к большому сожалению, до настоящего времени не сохранились.

– Почему при столь близком знакомстве с живописью Вы выбрали именно музыку, а не пошли по стопам отца? Был ли в детстве переломный момент, определивший этот выбор?

Фото: личный архив Виталия Михаэлиса

– Папа-то как раз пытался приобщить меня к живописи и даже оставил мне два мольберта. Я пробовал рисовать, но особого энтузиазма не испытывал. Видя это, отец со временем прекратил попытки. Ну, и еще потому, что у меня начало портиться зрение. И тогда он сказал: «Нет, дальше мы продолжать не будем». Что касается того самого момента, то он действительно был, в седьмом классе, когда Слава Лесничук – он был на два года старше и учился у нас как второгодник – пришел с гитарой и предложил создать бэнд. На первую репетицию мы принесли из дома всё, у кого что было, какие нашлись инструменты. Я захватил домбру. Нет, стоп, балалайку и играл на ней на последней струне, используя как бас-гитару.

И вот этот Слава Лесничук, в общем-то, и определил – его влияние определило, куда я пойду дальше. Ну, так вот, сначала бэнд в школе, потом какие-то композиции, которые возникали в голове. Я их играл и пел, когда уходил из класса, отпросившись в туалет. Думаю, что именно это и был старт. Ну, а потом – амбиции. Композитору без них сложно им стать. Ему ведь хочется, чтобы его произведения нравились, чтобы они где-то и как-то воспроизводились. Так вот эти амбиции, я думаю, и сделали из меня человека с такой профессией.

«НЕМЕЦКИЕ ДОМА»: ЗНАК КАЧЕСТВА

– Насколько открыто Ваш отец вспоминал жизнь в городе Маркштадт (Маркс)? Была ли эта тема в Вашем детстве табуированной или, наоборот, о ней говорили часто?

– А никак не вспоминал, эта тема была под запретом. И вообще всё, что происходило во время войны и в лагерях и после войны до 1953 года, когда они сами стали уезжать. Папа отправился в 1957 году с семьей в Алма-Ату. И я так думаю, что это было единственное место подальше от центрального руководства и правительства – вот он в Азию и уехал. Ну, а мы были немцами и всегда дрались, потому что нас называли «фашистами».

Фото: личный архив Виталия Михаэлиса

– Немецкое Поволжье имело уникальный быт, диалекты и архитектуру. Удалось ли Вашему отцу пронести этот специфический культурный пласт через спецпоселения в Сибирь и сохранить его в Казахстане? Проявлялось ли это в повседневных семейных привычках?

– Да, отец и его брат Фридрих, который жил во Фрунзе, собирались вместе, и это действительно был уникальный быт, уникальный диалект! Папа называл его платтдойч. Как-то раз приехал дядя Фридрих с детьми, сидели за столом и пели немецкие песни – они были такие полу-немецкие – полурусские и по тексту, и по музыке. И разговаривали между собой на родном языке. Моя сестра, которая уже учила немецкий в школе, спросила: «Папа, а на каком языке вы говорите?» А он ответил: «Не обращай внимания, это неправильный язык!» Потому что это был платтдойч, а не хойдойч.

Папа принес в нашу семью много из быта своих родителей. Это были типичные немецкие блюда, старая немецкая кухня. То, что здесь в Германии сейчас, очень отдаленно напоминает кухню моих родителей. Здесь, в общем-то, всё изменилось под влиянием соседних стран и особенно американского континента с его Макдоналдсом и Колой. Но уникальность «русланддойч», русских немцев, как раз в том, что они были отдельной национальностью. Уехав 250-300 лет назад из Германии, они сохранили в себе всё старое, немецкое, германское.

Как-то гуляя в поле около одной деревни во время гастролей по Волге, мы нашли груды камней на обочине. На одном я заметил шрифт – это были надгробные плиты с готическими надписями. Как раз на территории бывшей Республики немцев Поволжья. Мы гастролировали тогда с концертами по комсомольским стройкам от Волгограда до Астрахани. Там сохранились целые улицы с немецкими домами, и наш сопровождающий, когда мы ехали на автобусах, показывал и говорил: «Вот, посмотрите, немецкие дома». Словосочетание «немецкие дома» было уже тогда нарицательным. Кстати, и

в Алма-Ате также. Рядом с городом находился немецкий посёлок, так в 1990-х годах висело много объявлений о продаже «немецких» домов, значит, качественно построенных и в хорошем состоянии.

«ПАПЕ БЫЛО НЕ ДО ЖИВОПИСИ – ОН ДОЛЖЕН БЫЛ ВЫЖИВАТЬ»

– Быть сыном признанного художника – это тяжелый груз ответственности перед фамилией или мощный трамплин, который сразу задал Вам высокую планку в искусстве?

– Вообще не было никакого груза ответственности, никакой планки. Видите ли, в чём дело: папа должен был просто выживать. Он должен был кормить семью... Было совсем не до живописи. Он просто работал и зарабатывал деньги – как, собственно говоря, и все мы. Мы работаем, и я работаю. Очень большая доля моей работы – это то, что надо просто заработать деньги.

– Вы родились в Алма-Ате. Оставила ли культура и атмосфера Казахстана свой след в Ваших музыкальных интонациях, даже если Вы работаете в академических европейских жанрах?

– Половина моих работ как раз основана на казахском и восточном фольклоре. У меня в произведениях есть и уйгурские мотивы. Вот поэтому абсолютно точно говорю: 50% моей музыки так или иначе связано с Казахстаном.

– Если бы Вы решили написать масштабное музыкальное произведение, посвященное отцу, в какой форме и жанре оно бы прозвучало?

– Написал бы обоим родителям, ведь мамы тоже недавно не стало. Свое отношение к ним я могу выразить лишь через жанр реквиема или Патетическую сонату Бетховена. Это мое краткое постулатное выражение чувств, размышлять о котором долго перед микрофоном не хочу.

– Благодарю за откровенный разговор. ■

Немецкие исчезнувшие сёла Казахстана – Мариенбург

Основанное немецкими переселенцами-католиками село Мариенбург было одним из крупных немецких поселений Казахстана. После массового переезда этнических немцев в Германию в конце XX века оно утратило значительную часть своего наследия. Сегодня Мариенбург остаётся одним из примеров того, как менялась судьба немецких сёл в Казахстане.

Доминика Гизик

История Мариенбурга представляет интерес, поскольку она отражает судьбу многих немецких поселений Казахстана. Такие села были не только местом проживания людей, но и центрами сохранения языка, культуры и традиций немецкой общины. Жители этих поселений старались сохранить свой образ жизни вдали от исторической родины.

Мариенбург был основан в 1909 году как переселенческий участок немецкими католиками, прибывшими из Причерноморья. Поселение развивалось благодаря труду жителей, основными занятиями которых стали земледелие и животноводство. Уже к 1929 году в селе насчитывался 331 двор. Общая земельная площадь составляла 8 886,13 га, что позволяло развивать сельское хозяйство.

Жизнь в поселении была непростой: нехватка воды, удалённость от крупных административных и торговых центров, сложности ведения хозяйства. Несмотря на эти условия, сельчане продолжали обрабатывать землю, выращивать зерновые культуры и заниматься животноводством, постепенно развивая своё село.

В конце 1920-х гг. жители Мариенбурга различались по уровню хозяйственного положения. Во время обследования

Фото предоставлено автором. Обработка: ChatGPT

поселения они были разделены на несколько групп: к беднякам относилось 143 двора (445 человек), к мелким середнякам – 88 дворов (425 чел.), к середнякам – 107 дворов (607 чел.), а к зажиточным и кулакам – 34 двора (209 чел.). Такое разделение отражало различия в размере хозяйства, количестве земли и материальном положении семей.

Несмотря на такое неравенство, общину объединяли традиции и культура. В семьях продолжали говорить

на немецком языке, передавали детям семейные истории и сохраняли связь с обычаями предков. Большое значение имела религия, так как основателями села были немецкие католики. Важную роль в жизни жителей играли церковные традиции и праздники: Рождество (Weihnachten), Пасха (Ostern), День святого Мартина (Martinstag) и праздник урожая (Erntedankfest). Такие события объединяли семьи и помогали сохранять культурную память.

Соблюдались и особенности немецкой кухни. На семейных праздниках готовили традиционные блюда: штрудель (Strudel), клёцки (Klöße), блюда из мяса и капусты, домашнюю выпечку. Через кухню, язык и семейные обычаи жители сохраняли связь со своими предками.

Важной частью жизни Мариенбурга была взаимопомощь между жителями. Люди поддерживали друг друга во время сельскохозяйственных работ, строительства домов и важных семейных событий. Такая сплочённость помогала немецкой общине поддерживать свой уклад жизни на протяжении десятилетий.

Судьба села начала меняться в конце XX века. После распада Советского Союза многие этнические немцы получили возможность переехать в Германию. Массовый отъезд привёл к сокращению населения и постепенному исчезновению привычной немецкой культурной среды.

Сегодня Мариенбург остаётся важной страницей истории немцев Казахстана, которая показывает, как переселенцы создавали поселения, развивали хозяйство и сохраняли культуру, несмотря на сложные обстоятельства. Память о таких местах помогает сохранить прошлое и понять вклад немецких переселенцев в развитие страны.

Подпишись на свою газету!

ПИ 65414

abo@daz.asia

company/dazasia

daz.asia

daz_asia

dazasia

KNIFFEL-SCHACH

von Peter Krystufek

Weiß am Zug setzt matt in 1 Zug. Setzen Sie hierzu noch eine Figur aufs Brett ein. – Wie wird nun matt gesetzt?

Herausgeber + Copyright: Peter Krystufek, Postfach 1505, D-71205 Leonberg, Deutschland. E-Mail: PeterKrystufek@aol.com

Lösung hier:

IMPRESSUM

Собственник: ТОО „Deutsche Allgemeine Zeitung – Asia“

Учредитель: Общественный фонд „Казахстанское объединение немцев „Возрождение“

Директор: Роберт Герлиц

Главный редактор: Олеся Клименко

ifa-редактор: Аннабель Розин

Технический редактор: Вероника Лихобабина

Корректоры: Ульф Вокурка, Светлана Дингес

Адрес редакции: 050051, Алматы,

микр. Самал-3, 9, Немецкий дом

Тел./факс: +7 (727) 263-58-06

E-mail: info@daz.asia

Газета поставлена на учет в Министерстве

информации и коммуникаций РК.

Свидетельство о постановке на учет

№ KZ53VPY00044859 от 11.01.2022 г.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 1946.

27 августа 2026 г. № 32 (9316).

Периодичность – 1 раз в неделю.

Отпечатано в типографии АО «Болашак»

г. Алматы, ул. Муканова, 223 В, т. 378-40-08

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право редактирования и публикации присланных материалов.

Inhaber: GmbH „Deutsche Allgemeine Zeitung – Asia“

Gründer: Gesellschaftliche Stiftung „Vereinigung der Deutschen Kasachstans „Wiedergeburt“

Direktor: Robert Gerlitz

Chefredakteurin: Olesja Klimenko

ifa-Redakteurin: Annabel Rosin

Technische Redakteurin: Veronika Likhobabina

Korrektoren: Ulf Wokurka, Swetlana Dinges

Adresse: Mikr. Samal-3, 9, Deutsches Haus,

050051, Almaty

Tel.: +7 (727) 263-58-06

E-Mail: info@daz.asia

ABO-NUMMER: 65414

Registrierung: Ministerium für Information und Kommunikation der Republik Kasachstan. Registrierungs-Nr. KZ53VPY00044859 vom 11.01.2022.

Auflage: 1.000. Auftrags-Nr. 1946. 27. August 2026. Nr. 32/9316.

Druckerei: AO „Bolaschak“

Almaty, Mukanow-Straße 223 W, 378-40-08

Die Meinung der Redaktion stimmt nicht in jedem Fall mit der Meinung der Autoren überein. Für den Inhalt von Anzeigen übernimmt die Redaktion keine Haftung. Unter Verwendung in- und ausländischer Agenturen.